«РУССКАЯ МЫСЛЬ»: Историко-методологический семинар в РХГА

Ведущий семинара – доктор философских наук, профессор РХГА ***Александр Александрович Ермичев***

22 декабря 2006 г. – выступление **Татьяны Михайловны Горичевой**. Обсуждение ее книги ***«Только в России есть весна! О трагедии современного Запада. Дневники: 1980-2003»*** (М., 2006).

А.А. Ермичев: Дорогие друзья, я хочу поздравить всех с наступающим новым годом. Сегодня наша программа хорошо известна каждому из вас. Сегодня мы пригласили посетить наш семинар и выступить на нашем семинаре всем известную, многим из нас знакомую Татьяну Михайловну Горичеву – одного из известных общественных деятелей последних лет советской России и пост-советской России сейчас. Мы решили, что программа работы нашего семинар сегодня будет складываться следующим образом. Многие из вас прочитали последнюю книжку Татьяны Михайловны «Только в России есть весна» и сегодня мы ее будем обсуждать. Но для того, чтобы это обсуждение приняло какие-то стройные формы, сделаем так. Сначала мы дадим слово Татьяне Михайловне. Она расскажет нам о том, о чем она хочет рассказать, после этого, видимо, небольшое время мы отведем для вопросов Татьяне Михайловне. А затем поговорим о тех идеях, которые были выражены в этой книге, таких положений, которые мы сейчас услышим от Татьяны Михайловны. Короче говоря, поговорим по предмету нашего интереса, а наш интерес на сегодня – христианство в современном мире. Я правильно понимаю? Наверно так. Прошу вас, Татьяна Михайловна!

Т.М. Горичева: Книга называется «Только в России есть весна», но она, конечно, не о погоде. Эта книга посвящена Пасхе и ее правильнее было бы назвать «Только в России есть Пасха». На Западе, живя там довольно долго, без всякой надежды возвратиться в Россию (только Солженицын из всех из нас, наверно, надеялся, что можно будет приехать сюда назад), живя там долго, самое мучительное для меня было не переживать русскую Пасху. Конечно, там празднуют Пасху, но, естественно не так как у нас. И это не главный праздник на Западе, Рождество главный праздник, который тоже плохо празднуют. И мне было очень больно, когда я, например, в Баварии должна была выступать. Там была католическая Пасха, и такие благочестивые хорошо одетые католики говорят «Fröhliches Ostern!», вместо «Христос воскресе!» Я должна была ответить «Fröhliches Ostern!» - «Радостная Пасха!» Вместо события, вместо кайроса, вместо победы, вместо чуда, вместо единственного события в нашей жизни – приветствие «Fröhliches Ostern!». Так что книга моя о том, что только в России есть радость, только в России есть Воскресение, благодарение и весна.

Меня изгнали из нашей страны 26 лет тому назад, потому что я организовала вместе с другими женщинами, здесь, в Ленинграде, женское движение. Нас арестовали, сказали, что за три дня мы должны избрать – или тюрьма или иммиграция. Три женщины были арестованы. Я поговорила с духовником, я была уже православным человеком, и отец Александр сказал, тюрьма это слишком, «ты там умрешь», это слишком просто и не нужно. «Нужно учиться, ты говоришь на языках, ты любишь Германию, Францию, любишь Запад», «ты должны строить мосты между мирами». Благословил меня на иммиграцию. Весь самолет я проплакала, хотя я обожала Запад, думала, что я «немка», что не в той стране родилась, и мечтала, конечно, всю жизнь попасть в эту самую Германию – «страну поэтов и философов». Ну, попала я туда, и первые недели, первые месяцы мне казалось, что все, о чем я мечтала, что я читала, что я переводила (я

переводила много с немецкого), все это инкарнировалось и стало буквально «подручным», как говорит Хайдеггер, буквально рядом со мной, можно подышать, можно потрогать. Т.е. я живу в раю. Я встретила людей, которых, я думала, что никогда в жизни не встречу, что они не существуют. Я переводила Бальтазара, я его встретила. Я переводила Карла Ранера, я его в Мюнхене встретила, я подолгу с ним говорила, я подружилась даже с Карлом Ратцингером, нынешним Папой, несколько раз с ним говорила и брала у него интервью и так далее. И это было такое чудо, эти встречи, потому что вы знаете, что «встреча» на многих языках означает «счастье». И вообще смысл нашей жизни – это вот это самое счастье, полнота участия в целом Богочеловечестве, в целой Богочеловеческой истории. И могу сказать о Папе Бенедикте XVI, что это один из самых удивительных людей, которых я встречала, величайший католический богослов, очень глубокий, он очень хорошо, конечно, знает и православную традицию, лучше, наверно, всех нас, семь раз читал Достоевского, если не больше. Когда я с ним говорила, он отметил три момента, которые он наиболее ценит в России.

Первое – это **русская православная литургия**, которая у католиков сокращена из-за второго Ватиканского Собора, они извратили ее, сократили и, в общем, она не такая, как бы им хотелось. Наша же литургия полная, глубокая, таинственная. Это небо на земле. Потом, **благочестие русского народа**, русская душа, огненная русская душа. Детскость русского народа. И **«святая русская литература»**, как говорил Томас Манн. Об этих моментах рассказывал мне нынешний Папа.

Надо сказать, что все великие немцы и даже не великие немцы любили и любят Россию. И Гердер, и Шпенглер, и Рильке, и Хайдеггер, и Бальтазар и Ратцингер. Когда я приехала в Германию, я обучалась там у иезуитов католическому богословию, потому что я думала, что католицизм совершенно не отличается от православия, я была экуменистка, абсолютно ничего не зная, конечно, ни православия ни католицизма, думала, что это одно и то же. И в общем пошла в лучшую иезуитскую школу во Франкфурте-на-Майне, где я потерпела страшное так сказать… Ну претерпела все, потому что там голый марскизм царил, слово «Бог» было запрещено, слово «Божья Матерь» было забыто там, ну и прочее, не хочу вам рассказывать. Было очень страшно там учиться, я быстро бросила эту школу.

О Германии. Немцы – ну, они меня встречали как диссидентку, феминистку, оторву страшную такую, бандитку, которая грозит Брежневу и КГБ, и везде писали, такая вот женщина. Мы были изгнаны втроем, а я хорошо говорила по-немецки, свободно. Естественно, им меня приятнее слушать, чем переводить всех остальных, которые ни слова, ни бум-бум, ни на одном иностранном языке. И говорю о церкви постоянно, говорю, что никакая я не феминистка, никакие мы не феминистки, только в церкви женщина находит свободу, что Россия – это страна мучеников, это страна молитвенников. В общем, выяснилось, что я верующий человек, что диссиденство – это что-то не очень важное в моей жизни. Меня стали приглашать выступать в громадных храмах, в университетах, на конгрессах католических, евангелических, на стадионах. Там иногда по 200 тысяч человек собиралось, в общем, невероятное количество народу. Интерес к России гигантский, ну это сейчас он приутих, потому сейчас разочаровались все в нас, но тогда, когда был «железный занавес» ничего не знали о духовной России. И был страх перед Россией: «опять русские придут», масса мифов на эту тему. И было изумление перед подвигом русских мучеников, и была любовь к России. Когда выступаю в Германии, всегда на первых рядах сидят еще за два часа до доклада старенькие немцы (они до ста лет живут часто), в лучших одеждах своих, обнимают иконы иногда, которые они украли в России, чтоб мне передать их. Они молитвы читают перед докладом и последние годы очень часто приходят немцы, которые из Казахстана приехали из Сибири, т.е. русские немцы, учителя, которые безумно страдают в Германии, потому что в

Германии эти русские немцы себя не находят. Их считают там русскими, а когда они приходят, они просто рыдают, когда слышат, что какая-то русская женщина чего-то говорит о России. Больше всего нас любят немцы, это уже длинная традиция, далекая традиция. Ну, конечно, сербы, но я про сербов не говорю, потому что вы понимаете, какая трагическая ситуация там, и эту тему я не буду затрагивать. Очень любят испанцы, я, в общем, объездила больше стран, конечно, чем в этой книге раз в пять. Любят в Латинской Америке, я была в Рио де Жанейро, в Эквадоре, в Чили. В Рио де Жанейро меня одна коммунистка чуть не убила. Был доклад на русскую тематику, конгресс «Что такое женщина в христианстве», и я что-то стала говорить, что в России есть очереди, ну, в то время были очереди какие-то, и она просто с ножом на меня бросилась, я не заметила этого, а местное КГБ ее быстро скрутило. А потом я с ней подружилась, она из «Богословия Освобождения» была, и мы с ней очень сошлись. Она просто оскорбилась, что я как-то смела тень на Россию бросить. Вообще Латинская Америка, эти народы, которые я видела, все радостные. Может быть, они нищие, даже там многие живут почти в нищете, бедные, но все радостные в отличие от русских. Я думаю, почему? Мы вроде так похожи на третий мир, на некоторые латиноамериканские страны, но почему у нас так много мрачных людей, и почему все в такой депрессии ходят? Ну, я подумала, что там, конечно, вера никогда не была сломлена, церкви никогда не разрушались, и дух христианства, он постоянно в песнях в улыбке. Они не боятся, когда их фотографируют, они танцуют просто так – и все это не спектакль, а жизнь. И конечно они ненавидят Северную Америку, думают, что Россия – это анти-США, и где-то они справедливо думают, поэтому любят нас и ждут от нас всего.

Еще нужно сказать, что ждут от России, что это свет миру. Вы слышали, конечно, о Фатимском явлении Божией Матери. Католики очень тщательно там контролируют и следят за такими явлениями, их очень много появляется, каждый день. Ну, они католики, суровые контролеры, и сурово все это проверяют. Фатимское явление, которое было в 1917 году, это признано Ватиканом. По благодати Божией и по разрешению кардинала Ратцингера я виделась с Люсией, ей было уже почти 90 лет - последней из оставшихся в живых португальских детей, которые видели Божию Матерь. Она тогда жила в Коимбре, в кармелитском монастыре. Она схватила меня за руку и говорит: «Татьяна, Божия Матерь так любит Россию! Но нужно так много работать!» Сейчас понимаю слова эти все больше и больше, насколько я сама мало работаю, ленива и насколько мы ленивы здесь в России. Когда я приезжаю в Россию, мне все время кажется, мы, как в детском саду живем здесь, не соображаем, как мало мы делаем, как много нам дано. Наша страна удивительно богата не только ископаемыми, газом и нефтью, но богато-то больше всего Духом и харизмами Святого Духа, и человеческим материалом и Божественным материалом, которого невероятно много. И мы не благодарны, в общем-то, это большой грех. «Надо много работать», сказала мне Люсия. Сейчас она у Господа. Если я говорю об этих явлениях, это не значит что я католичка, в чем некоторые меня уже обвиняют. Я просто говорю о том, что видела как человек, а не как какой-то инквизитор или судья, я не имею права судить о церкви, которой я не принадлежу. Я была в Меджугории, видела и этих ребятишек, которым являлась Божья Матерь, они тоже говорили, что судьбы мира зависят от России, и Бог будет прославлен в России больше всего. Но я не имею права говорить истина это, или не истина, просто эти люди мне показались искренними, глубокими, особенно Люсия, неспособными на ложь.

Вот я приехала, вначале я была совершенно в восторге от Запада. И вместе с тем меня очень ранило то, что там я не нашла вот этого «mysterium tremendum et fascinorum», «единого на потребу», т.е. просто благочестия. Я вхожу в церковь, падаю на колени, молюсь, священник смеется надо мной. Я считала, что католики и православные одно и тоже и я вначале причащалась у католиков. Иду к причастию, у меня ноги трясутся,

дрожат, я там три дня молюсь, пощусь, с ужасом иду к причастию. Смотрю, все там, наевшись, сидят, как будто им стакан воды дают, а не тело Господне. Это меня так сильно ранило. Вот с этого момента, конечно, я как больная стала. Были другие ужасные моменты. Я поняла, что я живу не своей жизнью, что моя судьба не совпадает с судьбой этих стран, и что, в общем, что-то такое не то в моей жизни, шизофрения какая-то.

Я так счастлива, что меня пустили назад, ностальгия ведь существует. Раньше я думала, что никакой ностальгии нет – она существует, к сожалению, как реальная болезнь. На сей день мало у нас эмиграции, вообще нет, потому что все, кто может, все ездят в Россию, все туда-сюда ездят. Вообще русская иммиграция всегда была самым тяжелым местом в мире, это еще первая иммиграция наша, несмотря на благородные дворянские крови, и на образованность, и на воспитанность, это вторая эмиграция, которая с Гитлером бежала, а третья уж совсем это ад, просто ад. Постоянные интриги, абсолютная ненависть друг к другу, зависть – так говорят все, кто иммиграцию пережил, все говорят, что это страшное состояние. Так что мы очень рады, что нас пустили назад, хотя и здесь очень тяжело.

Что я еще хочу сказать. Кроме того, что я говорила о больших богословах, я встречала истинную святость, я виделась с аббатом Пьером, с Жаном Ванье. Может быть, вам эти имена ничего не говорят, но для меня это такие встречи! Жан Ванье, например, устроил целую деревню, там он поселил вместе здоровых людей с людьми, со взрослыми и с маленькими еще детьми, больными «синдромом дауна». И вот они живут годами, десятилетиями вместе, как бы и нет ни здоровых, ни больных. Я там в этой деревне у него жила и даже выступала перед, извините, «даунами», которые меня очень хорошо слушал, хотя я очень плохо по-французски говорила, они меня очень хорошо понимали и чувствовали вне слов. Потом аббат Пьер. Если во Франции холодно, он выходит и по телевизору выступает, говорит: «Франция, позор вот опять один клошар замерз». Ему сейчас за 90 лет, но он все равно активно любит, активно действует. Когда он идет по улице, ему бросают какие-то ожерелья, какие-то жемчуга, прямо его забрасывают. Аббат Пьер – это почти мифологическая фигура, но он жив, хоть сейчас он в коляске уже ездит.

С аббатом Пьером я встречалась лично, он живет под Парижем, он столько расспрашивал о России, читал мою книжку, расспрашивал меня о России, причем с таким знанием того, что здесь уже происходит, с такой болью.

Или братья Жакар, которые лечили прокаженных в Африке, потом они со мной познакомились и сказали, Татьяна ведь в России тоже есть прокаженные. Я тогда знала, что есть, но, конечно у нас не должно было быть прокаженных. Они сюда поехали на свой страх и риск, искали где-то, даже нашли прокаженных, но КГБ им, конечно, не позволило долго здесь искать. Мать Тереза…

Надо сказать, что это не просто какой-то социальный активизм, что это, так сказать, раздаются деньги, раздается рис, лекарства. Нет, это все связано с молитвой, с очень глубокой духовной жизнью. Как говорила мать Тереза, когда у них не хватило там каких-то лекарств, они с сестрами усилили молитву. Молились час в день – стали молиться три часа в день, и тут же им пришли лекарство. Вы понимаете, всякое доброе дело оставляет след духовный, и всякая духовная глубокая молитва ведет к добру. Это все связано. Ну, поскольку в России у нас было запрещено делать добрые дела в то время, меня, конечно, такие примеры очень вдохновляли. Сейчас-то у нас, Слава Богу, церковь тоже начинает всем этим заниматься.

Что еще хочу сказать, что в России нужно жить долго. Это не мои слова, я сейчас гораздо меньше езжу, и вообще не хочу покидать Россию. Потому что я думаю, что надо в наш век

глобализации, когда земля становится очень маленькой, и время становится последним, апокалиптичным временем откровений, в наше время надо непосредственно видеть друг друга. Т.е. большинство людей уже общается виртуально через компьютер, через какие-то «мобильники», e-mail'ы. В общем, непосредственное общение исчезает, а оно очень-очень важно. Я оценила это, когда выступала в громадных аудиториях и говорила на чужих языках. Трудно это, как на костылях движешься, и какая награда самая большая была? Ну, конечно, что все молились о России, но самая большая награда была – это глаза людей, которые сияли мне в ответ, отвечали любовью на мою любовь к церкви. Они отвечали, их любовь к России я видела в глазах. Нужно видеть друг друга. А сейчас человек становится все более и более одиноким, особенно на Западе, это просто уже даже называется не эгоизмом, не нарциссизмом, а аутизмом.

Какие важные моменты я хотела бы подчеркнуть? Важно то, чтобы сохранилась тайна, это я говорю и на Западе все время, потому что я не видела истинного благочестия, видела осквернение все время святынь. Это исчезновение тайны. Бодрияр говорит о «мире порнографии», ну не обязательно читать Бодрияра, даже в России мы видим, что такое наше телевидение, что такое наша реклама, а уж на Западе только одна эта «горизонтальная прозрачность» и существует, как говорит Бодрияр. Полная порнография, никакой тайны, никакого движения вперед, никакой истории. Ничего не происходит, никакого будущего, никакого, прошлого, вечное настоящее. Вечное «тут», отрицание человека, потому что человек – это творческое существо по Образу Божиему, человек всегда больше человека. Эту тайну Россия еще сохранила.

Что нас, христиан, еще может объединить? Момент экологический. Вы знаете, Святые Отцы (Григорий Нисский Максим Исповедник, например) писали о том, что после падения Адама мир раскололся, Вселенная распалась, и человек сейчас призван стать Богом, призван к обожению, призван соединить небо и землю, дух и материю, мужское и женское, ангельское и животное – это должен сделать новый Адам. Это проблема нашей земли, которая умирает, проблема лесов, зверей, каждый час погибает три вида животных и гораздо больше. Океан умирает. Все умирает, и довольно быстро, может быть все это и умрет, не успеем мы с вами взяться за дело. Это проблемы экологические, но они в основе-то своей проблемы христианские, потому что нужно, чтобы мы соединили распавшийся мир изнутри, и тогда нас признают и животные, и растения, и небо, и вода, и воздух. Тогда все очистится, мы станем со-работниками Господа в райском саду - вот наша задача. Эта задача не решаема на уровне одного города, или одной страны, или на уровне Киотских соглашений, Римских клубов. Это духовная задача, и я очень болею за гибель всего живого, и понимаю, что Швейцер говорил о «благоговении перед жизнью», потому что сам Господь есть Жизнь, и жизнь сама исчезает на Западе.

В начале, еще пятнадцать лет тому назад, много спрашивали о политике, кто такой Брежнев, а крещена ли мама Брежнего, вроде бы мама Горбачева крещена, т.е. люди искали какие-то положительные моменты в жизни наших кремлевских деятелей. И сейчас, когда выступаешь, никто о политике даже ничего не спрашивает, а задают другие вопросы, в основном, о мистике, о старцах. Ко мне часто поступают заявки прочесть доклад о старчестве. «Старец» ни на какой язык не переводится, хотя по-гречески тоже есть это слово, но его именно по-русски говорят, как «спутник», как «самовар», как «перестройка». Часто спрашивают об «Иисусовой молитве», хотя я, грешная, очень плохо молюсь, и моя молитва поверхностна, но я обязана эти доклады читать. При этом я говорю, вы не сможете ничего достичь, если вы в церковь не будете ходить, и не будете в церковном контексте находиться, а просто будете валяться на кушетке и молиться «Господи, Иисусе Христе», как делают многие, почти как йогой занимаются.

Вы знаете, какая русская книга сейчас самая популярная среди католиков, например, в Германии? Это не Донцова, не Сорокин, даже не Солженицын, это «Откровенные рассказы странника духовному отцу своему», уже не знаю какие там миллионные тиражи. Т.е. «Откровенные рассказы странника» ставятся в театрах. Их даже атеисты читают. Как фильм «Остров», который сейчас смотрят и смотрят, переполнены залы и в Париже, и в Германии, потому что этот фильм о глубине и о высоте абсолютной. Это фильм о кресте, который определяет нашу жизнь, так же как и «Откровенные рассказы странника духовному отцу своему».

Я все-таки еду туда, чтобы свидетельствовать о России, потому что, то, что там говориться по телевидению тоже ложь. Последние события; когда я уезжала, трагическую смерть Анны Политковской обсуждали по телевидению каждый день. И мне пришел целый мешок писем от моих читателей и почитателей о том, что Путин лично убил Политковскую. «Ты не должна ехать в Россию», что вот лично Путин ее расстрелял, почему-то простой народ думает, что Путин. Конечно, это событие ужасно, но говорят о том, что Россия опять становится супердержавой, что Путин это царь, император, что это хуже, чем Сталин, хуже, чем Иван Грозный, и что «Газпром» это уже самый большой банк. И, в общем, даже стала немного гордиться, думаю, наконец-то вспомнили, что есть такая страна. Конечно, это все ужасно, но вместе с тем, когда меня стали спрашивать, и я тоже выступала там в это время, я говорила, что не знаю, кто убил Анну Политковскую. У нас столько убийств журналистов, банкиров… Но почему вы ничего не говорите ни в Германии, ни во Франции, нигде, почему вы ничего не говорите, что в России убиваются лучшие монахи, убиваются лучшие священники. Отец Андрей, знаете, с матушкой и тремя чадами был убит неизвестно кем, три монаха в Оптиной Пустыни. Недавно я там была, поклонилась этим могилкам. Что у нас атаманы казачьи убиваются – почему ни одна газета ни разу не упомянула об этих людях, что их нет, что ли, что убивают только журналистов? Или почему Евгений Родионов нигде не обозначен, никто его не знает. Я, конечно, не против того, что надо защищать всех, кто стал жертвой, но такое однобокое отношение к России говорит, что так и остался страх перед нашей родиной. Но надо все-таки разделять журнализм, политику и простой народ, простых немцев, простых французов, простых итальянцев, которые все равно верят нам.

А что там, в Страссбургском парламенте? Я знаю, что большинство депутатов Россию не считают вообще Европой, я знаю только двух депутатов (это мои знакомые), они считают, что Россия – это уже Европа, а остальные Россию считают дикой какой-то страной. Надо все очень дифференцировано рассматривать, надо различать духов. Я видела по нашему телевизору, что какая-то журналистка спросила, как нам в России быть: полностью Запад отринуть, настаивать на своем, или напротив, принимать то, что Запад скажет? Нельзя так ставить вопрос, потому что мы настолько связаны сейчас, уж никак границы не закрыть, и правильно, что мы связаны, и я вижу, что люди, которые поездили по миру, это им на пользу пошло. Потому что, сколько было страхов, сколько неверных представлений у нас о Западе и у Запада о нас, а сейчас с нормальными людьми встречаюсь, которые понимают, что происходит и там и здесь, поэтому я за то, чтобы общаться и любить друг друга и только любить. Простите меня, что так долго говорю, какие-то вопросы может есть?

А.А. Ермичев: Большое спасибо!

Вопросы

А.А. Ермичев: Пожалуйста!

Г.П. Медведев: Татьяна Михайловна, вот вы говорите, что Россия должна хранить свою тайну. Это очень сложно в нашем мире глобальных масс-медиа и прочее и прочее. Вот как это, что это «в реальной политике»? Надо ли нам внутри России как-то становится на какие-то крайние скажем близкие к национал-патриотическим позиции. Ну, я не имею в виду фашизм, а в каком-то таком сбалансированном виде, как некоторые политики призывают, или надо призывать слушать друг друга, люди грамотные образованные слушают друг друга. Но ведь вопрос в том, как на это реагируют опять же массы. К чему нам надо призывать, к чему вам там надо призывать?

Т.М. Горичева: Призывать, по-моему, ни к чему не надо … Надо еще созреть и себя самого пока что воспитывать. Я еще сама не созрела для себя. Но я стою больше на патриотических позициях, я люблю свою родину я могу действовать и говорить, и молиться лучше всего здесь. Это уж так по естеству своему, по призванию, по благословению. Поэтому я за то, чтобы люди русские больше понимали и знали себя самих. Моя жизнь тому пример, я была русским человеком, а если бы я осталась здесь и не поехала на Запад я, может быть, была бы западником либералом. Уж точно. Я призываю к тому, чтобы русский народ осознал, что он русский народ, потому что мы очень мало себя знаем, очень мало благодарим Бога за те дары, что Он дает. Мы не знаем этих даров, мы не знаем, какие у нас молитвенники великие, какие у нас страдальцы, какие талантливые люди, мы просто не знаем. Мы не знаем, какие мы сами талантливые, что мы можем сделать, если мы не будем заниматься мелочами, впадать в депрессии, жаловаться, а действительно, искать Царства Божьего. Поэтому я за патриотизм. Здесь в России меня часто посещают иностранцы, готовы за любые деньги сюда приехать. Сколько людей жаждут приехать, только расскажешь им – им много не надо говорить, они чувствуют и жаждут сюда приехать, что-то посмотреть, понимают много, несмотря на то, что у нас кошмарная толпа, мне тяжело ходить и видеть эти лица, тяжело. А когда войдут в церковь или поедут куда-нибудь в деревню или какая-нибудь случайная встреча и вдруг они на всю жизнь начинают любить Россию. Поэтому я не против того, чтобы у нас были контакты.

Б.Г. Дверницкий: У многих великих святых бывает период богооставленности. Может и Европа все-таки это великая христианская цивилизация переживает такой же период богооставленности в последнее ее испытание? Когда мы так критически оцениваем, то, может быть, мы просто не понимаем ее духовное состояние?

Т.М. Горичева: Вполне может быть, вы знаете, но бывает состояние богооставленности, но Европа… Я вот живу и я плачу в Париже, потому что церкви пустые, если в церкви кто-то ходит… У меня рядом несколько церквей, туда ходят негры или филипийцы, французов меньше всего. Потом демографический вопрос. Мы говорим, что у нас в России мало русских осталось, а там уже почти и нет белых людей, а вот у меня в центре Париже квартира, одни китайцы там. На севере Монмартр, где я сейчас сняла комнатушку – одни негры там, я боюсь ехать. Я не расистка. Просто жалко, что даже физически… Эти негры, арабы – они как раз все верующие, они более верующие, чем французы. Может это и будет Франция, может это и будет Европа? Но жалко, действительно, «святые камни», жалко, что они будут уже не французскими.

В.Е. Семенков: У меня вопрос по книге. Это дневники – в связи с этим вопрос. Как шла редакция отбор?

Т.М. Горичева: Эта книжка напечатана в издательстве московском «Русский хронограф». Здесь много ошибок, я сразу прошу извинения, есть ошибки в географических названиях.

Но не важно, книжка сделана с любовью, я знаю, кто ее делал – Селезнев Алексей Евграфович и Иванов Сергей Викторович. Они обычно издавали молитвословы, Святых Отцов. Это первая, можно сказать, книжка на актуальные темы. Вот они отбирали. У меня очень много дневников, больше чем сюда вошло, на сто таких книг у меня написано. Потому что когда путешествовала, я всегда одна была, в этом одиночестве мне хотелось проецировать, перевести свои негативные состояния на бумагу, и поэтому я очень много написала. Я сама отбирала, прежде всего. Надписи под фотографиями мне не очень нравятся, но книжка, мне кажется, сделана хорошо, я благодарна им. Большой тираж для нашего времени, десять тысяч экземпляров. Сейчас я много в Москве выступала об этой книге, выступала на радио «Радонеж», по телевидению. Я пишу дальше и надеюсь, что может быть что-то еще будет.

А.А. Ермичев: По книге еще есть вопросы?

М.П. Косых: Понятно, что это дневники и ясно, что требовать какой-то концептуальности вроде бы и невозможно. Все-таки, если можно, поясните некоторые важные для меня вещи. Вот вы пишите, что «на Западе все слишком хорошо организовано, чтобы оставалась еще щель для личности». Это значит, что необходима такая дезорганизация, чтобы эта щель появилась, необходимо на Руси мученичество, страдания, плохие дороги, все остальное, чтобы тут духовность процветала? Возможно радостное христианство на Руси или только вот такое страдальческое, мученическое? Это первый вопрос.

Т.М. Горичева: Я думаю, что Россия идет, конечно, путем страдальческим по сей день, и это очень тяжелый путь, я не могу оправдывать и говорить, что хорошо страдать, тем более даже цинично, находясь в Париже, говорить, как здорово, что там, в России есть страдания. Просто русские мученики, конечно, это победители, это молитвенники за весь мир. Мне кажется, надо гордится мученичеством, не желать его. Личностью можно быть и в хорошо организованном обществе, о чем я говорила сегодня. В среднем западный христианин гораздо лучше, чем русских человек, это мысль Леонтьева. В России встречаешь или негодяев или святых, а на Западе порядочных людей. Знаете, например, сколько жертвуют немцы? – 40 процентов от зарплаты они прямо на почте отдают бедным странам. Я не за то, чтобы дальше мучили, сжигали, расстреливали, но это наш путь, что поделаешь. Мне кажется, что все-таки спокойствия западного мы не достигнем. Хорошо это или плохо – это Господь посылает. А то, что мы бедная страна, мне кажется, это хорошо. Потому что богатство, я сама видела, что деньги не виноваты, но богатство делает людей столь самодовольными, это убийство человека деньгами. Если раньше была формула «Я мыслю, значит, я существую» Декарта, то теперь «если я покупаю, значит, я существую». Это не мои слова, это слова каждого второго немца. Это настоящая болезнь, так что никакой хорошей организации на Западе нет, дезорганизация, полный хаос.

Р.Н. Демин: У меня вопрос о ваших философских истоках. В предисловии к вашей книжке издатель говорит о том, что когда вы были молодой девушкой и еще не поступили на философский факультет, то стремились изучать античную философию и среди тех, кого вы изучали (он называет «Диалоги» Платона, «Метафизику» Аристотеля и т.д.) он упоминает и перипатетиков. Меня заинтересовал вопрос: каких именно перипатетиков? Наверно речь идет о досократиках?

Т.М. Горичева: Здесь много ошибок, я просто даже не могу исправлять.

М.П. Косых: Да, я уже задал вопрос и у меня еще один. Опять-таки, могли бы вы пояснить. Вы уже упомянули о том, что «на Западе отсутствует чувство священного», об этом в книге тоже написано, хотелось бы еще маленький комментарий, так же и по поводу

того, что «на Западе нет культурной среды», корейцы усвоили «убогий садизм западного христианства». Это конечно очень сильные слова по поводу отсутствия культурной среды и убогого садизма и всего остального, они явно требуют комментария, потому что такой наивный читатель как я чувствую, что не могу воспринимать это буквально.

Т.М. Горичева: Когда я пишу о «садизме корейцах», я пишу о том харизматическом собрании, на котором я должна была выступать, в течение двух часов должна была говорить о русских мучениках. Было несколько тысяч слушателей, сидели корейцы, делали одинаковые движения, и передо мной танцевали какие-то танцы девушки, каждые пять минут меня обрывали гимнастическими прыжками. Это был садизм в отношении меня, скажем, чистый садизм, потому что я ничего не могла сказать серьезного, вообще ничего не могла сказать. И переводчик не понимал ни одного моего слова, хотя он меня двадцатый раз переводил. Я не считаю, что все харизматическое движение абсолютно бескультурно, но большинство тех харизматических собраний, на которых я выступала, доводили меня до полной депрессии и почти до отчаяния. Когда они 40 минут играют на гитаре, хотя все люди приехали слушать меня, но они используют зал для того, чтобы самые бездарные песенки спеть «Иисус, ты мой друг», и так далее. Я считаю это садизмом. Хотя были и другие харизматики более тонкие, но не так часто. Так, теперь, что «исчезло священное». Конечно, не везде исчезло. В частности, сейчас Папа Бенедикт XVI, который, конечно, очень любит священное, человек глубоко верующий, молитвенник, способствует тому, тому, чтобы движение Пия X – это те, которые восстали против Второго Ватиканского Собора, чтобы оно вошло опять в силу, стало официальным. И когда я посещаю церкви с латинской мессой, с григорианским пением, то я себя там чувствую тоже очень хорошо. Священное там есть и люди тянутся к этому, оно не исчезло целиком. Исчезло, но, благодаря Папе, в первую очередь стало опять, начинает рост.

В.А. Фатеев: Случалось ли вам встречаться с русской зарубежной православной церковью, и как вы чувствовали разницу ее отношений со здешней церковью?

Т.М. Горичева: Ну, у нас в Париже больше Константинопольская церковь, в Германии больше Русская Зарубежная церковь. Я причащалась в русской зарубежной церкви, знаю хорошо владыку Марка из Мюнхена, еще до его епископства. Есть очень хороший монастырь под Парижем. Простые верующие этой церкви всегда были за то, чтобы с Россией соединиться, а вот то, что там наверху происходило и до сих пор происходит… Гораздо сложнее сейчас проблема отношений Константинопольской и Московской патриархии. Это очень драматично то, что происходит в Лондоне, насколько я знаю, но это особый вопрос. В Париже у нас многие не хотят переходить в Московскую патриархию, в частности, Оливье Клеман, мой большой друг, большой богослов. Он против того, чтобы переходить в Московскую патриархию, он говорит, вот, мы были в Константинопольской церкви, а почему мы должны… Миша Сологуб, очень много людей, и, в общем, я могу их понять, почему надо куда-то переходить.

В.В. Антонов: Вы бывали в монастырях европейских. Какое они на вас произвели впечатление? Остаются ли они центром духовной жизни, как было еще в XIX веке? И второй вопрос о паломничествах. Не превратились ли они теперь на Западе, у нас, к сожалению, тоже это происходит, в обычные туристические поездки?

Т.М. Горичева: Спорный вопрос, потому что монастырей очень много и монастыри разные. Я скажу так, что сейчас большой приток народа в монастыри именно такие медитативные. Потому что там есть медитативные и активные, в отличие от наших (у нас нет такого разделения). И сейчас очень много молодежи идет именно в медитативные монастыри, например, кармелитские, к картезианцам даже, там уж очень строгая аскеза.

Такие процветают, туда даже не попасть, потому что там за двумя решетками говоришь с монахами. В Испании, последний раз, когда я была, посещала подобные. Там мало народа, но спят на камнях, а вот, скажем, доминиканцы, даже бенедектинцы, часто и францисканцы – это уже почти и не монастыри, об этом вы знаете очень хорошо, потому что сами ездили и много видели. Это просто горько иногда видеть. В Бельгии монастыри занимаются тем, что пиво делают хорошее, в других местах монастыри просто превращаются в центры для туризма, например, баварское красивое барокко. В каких-то местах монастыри просто – места, в которых люди прячутся от безработицы. Вообще, слишком много монастырей, чтобы обобщать. Там, где жила Люсия, – это кармелитский монастырь в Коимбре, в Португалии, там я провела несколько часов, очень хорошая атмосфера, двадцать четыре монахини, но они прозрачные, и светлые, радостные и совершенно, ангелоподобные существа.

А.А. Ермичев: Друзья, может быть, достаточно вопросов, потому что в трогательном и чудесном сообщении Татьяна Михайловна, в общем-то, основную идею книги своей, как я понял, выразила, а потом просто обсудим.

Р.Н. Демин: Татьяна Михайловна, вы рассказали на страницах своего дневника о фильме «Недостижимое». О писательнице из Западной Германии, которая приезжает после того, как уже разрушена Берлинская стена в Восточную Германию, и не находит там тех идеалов, которые она ожидает найти. Вернувшись обратно, она впадает в отчаяние и кончает жизнь самоубийством. И вы сказали, что знаете такие же трагедии с русскими людьми, которые долгое время жили на Западе, мечтали о встрече с Россией, приехали сюда в перестроечную Россию и так же были «убиты», как вы написали «в первые же дни». Говоря «убиты», вы подразумеваете что, они покончили жизнь самоубийством? Меня это удивило: ведь, скорее всего они были православные.

Т.М. Горичева: Да, у многих из тех, кто приехал, разочарование было очень сильное. Например, из второй эмиграции я сотрудничала с «Посевом», с «Гранями». Там люди совершенно потрясающие, патриоты русские. Они, как только перестройка началась, сразу ринулись в Россию. Хотя они никогда не видели России, они только занимались ей. Например, такая Миркович была, она в какой-то верхушке НТС, и ей было лет 55, когда она приехала первый раз в Россию. И здесь сложилась уже группа НТС или «Посев» я их случайно видела, я даже не знаю, кто они такие, но они ее даже не встретили в аэропорту, хотя была переписка, как в этом фильме, была мечта приехать. Она воин, подвижница, она жизнью рисковала, все делала для России. И вот она приезжает в страну, уже как в Царство Небесное, ее никто не встречает. Потом она на свои деньги снимает эту комнату в гостинице, и у нее приступ сердечный просто от встречи с Россией. Может, от радости, а может и от того, что никто не встретил. И она через три дня умирает и лежит еще несколько дней в гостинице. Это один случай, но я знаю таких пять. А возьмите Максимова из «Континента» - это вообще, такая пламенная любовь к России, это человек всю жизнь с ума сходил, чтоб хоть что-то России сделать… Сюда приехал где-то выступил, сошел с ума окончательно и там в Париже скончался. Запил по-черному и уже не переставал пить, пока не умер в Париже, хотя мог бы еще пожить, побыть с нами. Поэтому извините, но это очень трагично вот так менять, действительно, страны. Эмиграция это вещь очень тяжелая.

Стефано Капилупи: Татьяна Михайловна, я хотел просить помощь, потому что я итальянец, я католик. Поэтому понимаете, много из того, что вы сказали в книге, меня возмутило и со многим из того, что здесь написано я не могу согласиться. Я хотел у вас просить помощь - как я могу читать вашу книгу, как ее воспринимать? В каком смысле некоторые ваши утверждения? Мне как итальянцу некоторые ваши утверждения просто

не понять, например, когда вы говорите: «В сицилийской толпе почти не увидишь красивых, не говоря уже об умных, лиц. Сами сицилийцы какие-то мелкие, квадратно-нестройные существа с темными анонимными лицами, вульгарным смехом»[*], или что дети у нас аутисты, и так далее.

Т.М. Горичева: Ну, не про всех же там, не про всех…

Стефано Капилупи: Я даже стал записывать, написал несколько страниц и перестал, потому что, если говорить по каждому вашему замечанию, то я не успею, потому что это слишком много. Вы говорите, что нужно общаться, нужно любить друг друга, нужно смотреть друг другу в лицо - а как это возможно?

Т.М. Горичева: Но там есть и хорошие места про Италию.

Стефано Капилупи: Но их очень мало. Вы говорите, что наши переводчики «дурные»…

Т.М. Горичева: Да, это правда. Переводят не то…

Стефано Капилупи: Вы также сказали, что Папа Римский поддерживает тех, кто восстал против Второго Ватиканского Собора. Вы говорили о движении Пия X, как будто Папа только этим занимается: восстановлением этого движения. На самом деле это совсем не так. Он работает для примирения со всеми членами – детьми Церкви, в том числе и движением Пия X, которого скорее призывает идти навстречу, на некий компромисс. Потом вы говорите о католической литургии. Я живу в России, и так много раз слышал, что наша католическая литургия сокращенная, убогая. А я крестился в этой традиции, для меня это живая вещь, это жизнь. Я понимаю, что эта книга для русского, это никогда не выйдет на Западе…

Т.М. Горичева: Это издано в Италии, и в Германии.

Стефано Капилупи: Как можно общаться, как вы говорите, и любить друг друга с этими вот утверждениями?

Т.М. Горичева: Я просто искренне писала, такое у меня было состояние. Это ж дневники, действительно, простите меня, если я вас обидела. Там есть и хорошие слова про Италию.

Стефано Капилупи: Очень мало.

Выступления

А.А. Ермичев: Кто хотел бы выступить по прочитанной книге, по услышанному? Тогда с вас начнем. Вадим Евгеньевич Семенков.

В.Е. Семенков: Мне понравилось. Что это за книга? Это публичный дневник верующего человека и жанр публичного дневника предполагает с одной стороны исповедальность, а с другой стороны полемичность и, в общем, на этом на исповедальности и полемичности все и строится. Вот наш дорогой гость высказал свое замечание, но я скажу, что мне

[*] Горичева Т.М. Только в России есть весна! О трагедии современного Запада. Дневники: 1980 – 2003. – с. 357.

понравилось больше всего. Мне показалось, что исповедальность получилась меньше чем полемичность. Не всегда пафос оправдан. Я не могу сказать, что название удачно.

Т.М. Горичева: Не мое.

В.Е. Семенков: Ну, я так и подумал. Такое название скорее для сборника стихов подходит. А вот там, где вы обращены вовне, там вы убедительнее, ну это было сделать легче. Но мне была интересна рефлексия ваших состояний, когда вы описываете что вы чувствуете когда выступаете перед большими аудиториями. Вот тут вам веришь, и в описаниях этих состояний чувствуется тогда тяжесть публичных выступлений – мне было очень интересно читать. А что касается богословских тем, они мне показались… Ну, может, просто настроение был не то, это не так задевало. Хотя вот ваша позиция она прочитывается легко – христианский персонализм. Тут все понятно. Лично мне было очень отрадно такое спокойное не полемичное неприятие марксизма. Для вас вопрос о несостоятельности марксизма как доктрины социальных преобразований уже решен. И даже спорить не о чем, вам откровенно не интересны левые. Больше всего мне понравилась фраза в вашем дневнике, где вы сами о себе говорите, даете характеристику: «Мыслями я с правыми, а по типу личности я левая», я как-то для себя это прикинул, это было сказано очень давно, в 1986 году, но я думаю, что и сейчас вы не меняетесь. Что бесспорно удалось? Удались портреты городов и людей, мне после этого как-то в Париж захотелось. И вот здесь по поводу портретов. Вы встречались и с очень известными людьми типа нынешнего Папы Римского, Карла Ранера, и с менее для нас известными, но не менее весьма значимыми фигурами типа Вильгельма Ниссена или Роберта Шпемана и хорошо показали значение этих людей. Понимаете, о чем я подасадовал. В книге много фотографий, но они не те, там, когда смотришь – третья в пятом ряду, третья с лева, там лиц-то не видно. Я понимаю, что ресурсы не те, силы таят, но если в книге были бы хорошие фотографии этих людей, если бы у вас была возможность сделать такие снимки. Мне всегда хочется посмотреть на этих людей.

Т.М. Горичева: Это издательство.

В.Е. Семенков: А есть портреты этих людей?

Т.М. Горичева: Ну, я же сама не думала, что будет книжка, когда писала, честно не думала.

А.А. Ермичев: Валерий Александрович Фатеев, пожалуйста.

В.А. Фатеев: Прежде всего, больше спасибо Татьяне Михайловне, что она у нас появилась, потому что вообще, честно говоря, это как бы фигура для меня лично из 1990-х годов, когда Запад и Россия выясняли отношения. И считал я уже давно, что все кто хотел быть на Западе, там живут, а кто хотел быть в России, живут здесь. Но Татьяна Михайловна умудряется сохранять до сих пор такое положение, я бы сказал и любви к Европе и любви к России, что для меня лично не удивительно. Но я, прежде всего, хотел бы сказать, что книга производит впечатление очень искреннее, очень русской, поэтому и разное. Но поскольку это дневник, то он и должен быть разный. И такие отдельные обидные для кого-то замечания, на мой взгляд, для дневниковой формы это позволяется потому, что дневники, прежде всего, написаны очень на каком-то конкретном случае под впечатлением настроения и так далее. Общее впечатление все-таки, на мой взгляд, другое. Меня особенно поразило постоянное ощущение на западе одиночества. Можно было списать это в большой степени на ностальгию, что Россия это другое, это мир, который далеко, и он желанный, а при приближении оказывается не таким, но я знаю очень много

европейцев и знаю много русских, которые там бывают и все, в общем-то, в этом сходятся. Не сходятся только в одном – считается, Европа как бы такой страной священной, как в свое время об этом говорилось, или же наоборот такой, какой ее представляют многие, и я в том числе. Я прошел в 1960-х примерно такую же духовную историю, как и вы, но только в отличие от вас у меня не было ни малейшего желания и иллюзий относительно диссиденства. Я прошел эти годы молчаливо, в закрытом состоянии, в работе над книгами. Мой друг живет в Сиэтле 25 лет, он, как ни странно уехал отсюда, будучи диссидентом, а сейчас писал письмо отцу Иоанну Крестьянкину покойному и тот ему ответил, т.е. стал верующим христианином. Другой мой знакомый, может быть, вам знакомый Юрий Архипов, он постоянно бывает в Германии, мы с ним вместе учились, вместе не принимали это диссиденство, он был долгое время специалистом по Германии, ездит все время, говорит на языках, похожая такая миссия как у вас. Но жалуется, говорит, что немцы очень поскучнели, неинтересные, меня они принимают как консерватора, а какой же я консерватор, но только благодаря тому, что у меня немецкий язык ко мне еще большой интерес. Приезжал Битов, пытался что-то говорить, но он неинтересен, потому что его надо переводить, а, на мой взгляд, он просто не интересен Западу, тем более России, но это мое мнение. Теперь Архипов стал тоже славянофилом. Это нынешнее состояние вещей меня радует. Но больше всего ваша книга меня радует тем, что вы так любите искренне Россию, и так плохо пишите о Западе, что мне это радостно почему, потому что я, собственно говоря, убежден, что для большинства людей это не очевидно. Для меня это прописные истины, которые я усвоил еще в 60-е годы. Когда я побывал много раз на Западе я пришел к такому же выводу как вы, но я знаю массу людей, которые от всего этого были в восторге от магазинов, покупок, «шопингов», от этой возможности в первую очередь «свободы» с прописной невероятно буквы. И в то же время эта жалкая Россия, которая сейчас до сих пор, извините, выгребает те помои, которые накопились здесь столетиями и вряд ли они когда-то будут очищены, эти конюшни. Но, на мой взгляд, Россия это никак не Европа, Россия это не Азия, я не евразиец, потому что с одной стороны Азия - совершено другое, это, прежде всего мусульманство это другой мир, это Китай. Кстати никто не обижается на китайцев, что они что-то там о Европе думают, они просто помалкивают и думают по-своему. А Россия как-то умудряется быть сама собою изнутри, а внешне все время гоняется за Европой, и вот эта попытка сделать из России Европу, в очередной раз обречена на провал. Мы в очередной раз немножко чего-то достигнем и потом опять опустимся на свою реальную почву, на основу. И вот это ощущение сейчас для меня, что Россия оккупирована в очередной раз. Вы воспринимаете Россию как страну счастья, «рай», а для меня Россия в данный момент несвободная страна, и единственное что мы получили 90-е годы – церковь. Это то, что сближает с вашим восприятием, и вот еще чем достоинство вашей книги, что она раскрывает все это. У нас в церкви говорят с жестких позиций, боятся рот открыть, или говорят сугубо догматично, как положено, или наоборот люди вольные, которые явно не любят ни Россию, ни церковь. А вот у вас это сочетание очень хорошее, и вот я как бы, примеряя пример наших диссидентов на вас, думаю, что приду и скажу, что же вы с такими взглядами сидите там на Западе. А когда читал вашу книгу вдруг понял, что вы Запад очень любите, т.е. философов очень многих знаете, и у вас не славянофильский набор лексики, а у вас более личная смесь такая Запада и Востока. И вот это как раз мне позволяет сейчас сказать, что книга удалась – такой синтез России и Запада и попытка разъяснить на Западе там, что Россия это что-то святое, страна чудес. Это есть, но это все здесь очень скрыто. И более того, я бы сказал, что после этой книги надо еще обязательно написать для нашей молодежи, потому что в России если есть Европа, то это наша молодежь, но это, к сожалению «усредненный европеец» по-леонтьевски, который берет оттуда все обычное, одинаковое, масса одинаковых людей среди молодежи здесь и на Западе. Это поражает, это шокирует, мне лично это неприятно, это уже не Россия, но, тем не менее, эта молодежь, она русская, и она может воспринять

идею, ту же идею церкви. Совершенно трудно войти в церковь – представляете, как было трудно нам, мы с вами делали это примерно в одни годы - а для молодежи это как сложно! И вот в этом смысле я думаю, вы тот человек, который может наладить контакты с молодежью между Россией и Западом, и к нашей аудитории обращаясь, это очень хорошо спасибо.

А.А. Ермичев: Да, отец Вениамин, прошу вас!

О. Вениамин: Добрый день, приветствую всех! Я читал работы Татьяны Михайловны еще лет двадцать и даже больше тому назад и даже помню ее работу в журнале «Логос» «Взыскание погибших» - прекрасная, проникновенная вещь, в то время это казалось каким-то откровением, возвращением в отчий дом Православия. Мне это настолько понравилось, что я даже посоветовал перепечатать это эссе в Саратовском журнале «Волга», что и было сделано. Я думаю то, что написано в исповедальном жанре дневника, не подлежит холодной объективной оценке. Таков этот жанр, таково свидетельство, за это нельзя ставить отметки «хорошо» или «плохо», это так человек видит. Мне кажется, что у Татьяны Михайловны большой дар различения духов, дар художественного проникновения. Но даже большой талант не может объять все аспекты нашего бытия. Социальная проблематика не самое сильное место в работах Татьяны Михайловны Горичевой. Она выражает скепсис по поводу, например, западной концепции прав человека.

И я хочу в связи с этим перейти на такую тему: духовность и социально-политическая сторона нашей жизни. В России считается, что все духовное – это глубоко интимное, это религиозное, это связано со святыми, с литургией, с пасхальной радостью. Законодательная, правовая, социальная и политическая сферы – это для духовных лиц такая скукотища, занимаются ею какие-то нелепые, далекие от Православия люди, и мы эти законы все равно «выполнять не будем». А вот апостол Павел говорил, что «Ибо мы знаем, что закон духовен» (Рим.7,14), но мы твердо знаем в России, что закон бездуховен, и другим быть не может. И вот здесь я вижу огромный какой-то трагический разрыв, из-за которого наша общественная жизнь никак сложиться не может. В любой момент можно нарваться на грубость, хамство, сквернословие. Повсюду грязь, обирание людей при первом удобном случае. Цены на продукты в три раза больше, чем экономически необходимо.

Кстати, по поводу Пасхи… Есть такая скучная противная наука социология, можно ей конечно не верить, существуют даже анекдоты про статистику. Но у меня нет оснований не доверять, что одна тысячная часть москвичей пошли, скажем, на Пасху. В Москве на душу населения храмов наверно меньше чем в Париже, но даже многие из них были не заполнены, т.е. на Пасху оказывается, не очень-то и ходят, это по поводу пасхальной радости в России.

Конечно, всё познаётся в сравнении. Как мы вообще можем оценивать разные страны? По каким параметрам? Духовность это вообще трудно определимое понятие, может быть можно найти какие-то объективные параметры, по которым можно эту духовность косвенно оценивать не только в личном, но и социальном плане? Есть все-таки какие-то объективные цифры: уровень преступности, уровень дохода на душу населения, общее благосостояние, здравоохранение. У нас это находится в запущенном жутком состоянии. Подозреваю, что несмотря на всё наше православие, по абортам мы «впереди планеты всей». Почему? Мы такие шибко духовные, что нас все это не интересует, что ли? У нас такие молитвы, что нам некогда нормальные дороги делать? Мы с утра до вечера читаем Платона и Аристотеля, Златоуста и Феофана Затворника, что у нас нет времени на бытовые проблемы? Т.е. я постоянно вижу попытку выдать нужду за добродетель. В чем причина такого бедственного состояния, от которого все страдают и мрачнеют? Я не думаю, что наша бедность это следствие нашей высокой духовности, тут

другая какая-то причина. Мне кажется, что причина в том, что у нас духовное измерение никак не связано с социальной сферой. А почему это произошло? Вот тут «gap» какой-то, провал и этот провал продолжается. У нас нет того, что называется «атмосферой». Я тоже много раз был на Западе, правда, с короткими визитами, самый длинный визит в Италии был два семестра, и в Америки был один семестр. Когда на Западе выходишь на улицу у меня ощущение полной безопасности, полной солидарности – все вежливые, все тебе помогают. Здесь же выйдешь на улицу – как в бой идешь, тебя могут убить, обругать, причем ни за что. Убьют, а потом скажут: «ну и что, такое же в каждой стране бывает». Что ж сожгли священника Андрея Николаева со всей семьёй, так в Африке их сжигают чуть ли не каждый день десятками. Каждый год гибнет в мире около 500 миссионеров в странах Азии и Африки. И даже те иностранцы в России, которых избили и обворовали, обычно в депрессию не впадают, они считают, что в каждой стране такое может случиться, не надо обобщать. Но видим ли мы картину в целом? Социологи говорят, что у нас чуть ли не первое место в мире по преступности, что мы не доживаем в среднем 20 лет. Нищенские пенсии, умирающие дети из-за нехватки денег на лекарства при огромном стабфонде – разве всё это к духовности никакого отношения не имеет? Наверно, все-таки имеет отношение. Как же нашу знаменитую духовность в социум проецировать? Тут у нас большой провал. А если нет человеческой атмосферы, то нам и тошно ходить по улицам, тошно в магазин заходить, вообще тошно находиться в общественных местах.

В православном храме приятно, я с вами согласен. В храм зайдешь, и выходить не хочется. Но как только вышел из храма тут уже что-то другое, никакого христианства, на улице никакой духовности, мат-перемат, грубость какая-то, как только пять мужичков в стаю соберутся, тут же агрессия, они тут же ищут, кому бы «морду набить». На Западе и на Ближнем востоке, если вечером идет по улице женщина, и стоит толпа мужчин, она знает, что не надо на другую сторону улицы ей переходить, никто ее никогда не тронет. У нас – перебегает на другую сторону улицы, т.е. живем как в эпоху степной войны всех против всех. Так вот, как совместить «Откровенные рассказы странника», виртуозную духовность, изощренную монастырскую аскезу с общественной атмосферой? Получается, что у нас «страна контрастов» - есть святые, есть бандиты, порядочных людей мало, как говорил Константин Леонтьев. Для социума нужны в большом количестве порядочные люди, не правда ли? Но тема обывателей – это для социологов, нам же это скучно. Мне тоже скучно, как нам неинтересны западные люди. Может быть, мы недостаточно язык знаем, недостаточно их культуру знаем. Многие просто плохо язык знают, иной раз приезжает человек с Запада и говорит: «там противно и скучно». Его спрашивают: «А ты, дорогой, язык-то хоть выучил?» - «Нет, не выучил». Оказывается причина-то простая: язык-то не выучил по-настоящему. Ну, у вас с этим проблем нет, как я понимаю, Татьяна Михайловна, так что ваши взгляды более глубокие, но я хочу обратить ваше внимание именно на духовность в социально-правовой сфере. Не случайно у католиков есть социальная доктрина довольно развитая, и в Русской православной церкви она только недавно появилась, как-то без нее обходились, и то, она под большим подозрением. Говорят: а зачем социальная доктрина? Да если каждый будет поститься и молится все само собой преобразиться, начни с себя! Ну, сколько бы ты с себя ни начинал, другие-то не начинают, коррупционеры как брали взятки, так и будут брать, все равно справедливости в обществе не прибавляется. Т.е. извечная дилемма еще XIX века – личность или учреждения? И как бы Достоевский ни говорил, что спор западников и славянофилов ложный, что он решен на самом деле, что это ложное противоречие, - но это острое противоречие все еще остается и вопрос остается открытым. Говорят, что у нас всё слепо перенимают с Запада. Но перенимают, в основном, технические новинки, но упорно не хотят перенимать уважения к справедливым законам. Таким образом, далеко не всё перенимают. Кроме того, у нас нет культуры самокритики, которая часто воспринимается как вражеская деятельность. Вероятно, это следствие неуважения к рациональному началу мышления. У меня нет чувства благополучного состояния России

и духовной сытости, наоборот чувство тревоги. Как сказал поэт: «Кто живет без печали и гнева, тот не любит Отчизны своей». Спасибо!

А.А. Ермичев: Спасибо. Тамара Витальевна Холостова, пожалуйста!

Т.В. Холостова: Прежде всего, хочу сказать, что жанр дневника – радостное общение с симпатичным для меня человеком – это одно, но затем по ходу книги у меня изменилось отношение, и я поняла что проблема, которая затрагивается, затрагивает нас гораздо более глубоко, это не просто личное общение. И проблема заключается вот в чем. Мы в данном случае сталкиваемся с очень важными для нас определениями Запада как такового, и, скажем, иными конфессиями по сравнению с православием, и что они такое для нас в наше время. Я хотела бы обратить ваше внимание вот на что. Вы посмотрите, когда-то, я помню, столкнулась с определением в свой адрес, не в свой лично, но, скажем, вообще интеллигенции: интеллигенция в России - кто они такие? Это «носители чужой культуры в собственной стране». Это заставило подумать, что это значит. Вы посмотрите, какие мы веяния, какое освежение пережили с постмодернизмом, например. Когда начали его рассматривать, переводить, читать. Сколько появилось новых имен людей, которые были изданы – Делез, Бодрияр, Фуко. Вот я хочу сказать, что сегодня мы могли бы остановится и посмотреть, что происходит. Происходит следующее. Интеллигенция приносит нам с большими трудами, тщанием и удовольствием те программы, которые уже реализованы на Западе. Рассказывают очень много вещей, из которых следует что Россия это «недо-страна», это страна, которая по всем швам, по всем основным модусам своего существования не дотянула, не добирает. Поэтому я хочу предложить присутствующим вернуться к этой теме еще раз и посмотреть на нее иными глазами. Когда-то у Леонтьева спросили, сетовали, что, сколько бы мы Европу не делали в России, она у нас все не получается. И тогда Леонтьев сказал в ответ на это: уж извините, Европа у нас получается, только по-русски. Поэтому я хотела бы предложить вам посмотреть, что сейчас получается: нам нравятся телевизионные передачи, а это что такое? Это не что иное, как странные формы, заносы европейских мероприятий, которые мы хватаем за хвост и начинаем, пародируя себя Европой, организовывать у себя. Я выяснила для себя что такое телевизионное шоу «Дом», долгое время присматривалась, никак ведь не пережить этот ужас. Мне говорят: «Что вы, это европейское начинание, в Европе давным-давно существует реалити-шоу», а раз так, значит, Россия вперед, организует эту опять форму. Если мы с вами рассматриваем все эти жуткие шоу, которые составляют основные наши передачи в России, что я могу сказать по этому поводу? Это ведь тоже занос из Европы. И мы с русским максимализмом даем ему такую форму выражения, которая даже европейцев может сегодня шокировать. Поэтому еще раз к этому возвращаюсь, хочу сказать, посмотрите, что в данном случае перед нами разворачивается как отдельная картина? И что нам дают, скажем, материалы, приводимые Татьяной Михайловной? Мы еще раз должны подумать все ли хорошо в Европе прежде, чем принимать это как безусловную программу. Нам надо постараться ликвидировать это ощущение, что мы «недо»: «недо», которое в этом случае выражается в самых разных вариантах. У нас не так аккуратно все, у нас помойка у нас то, у нас се. Но ведь, прежде всего я бы обернула это так – нет среди интеллигенции достаточно сильной группы личностей, которые сегодня могли бы предложить программу с учетом специфики России. Что же нам все превращать в вино, когда практически, посмотрите, исторически представлена следующая картина, она выражается в чем? В том, что мы все время выполняли программы, которые была уместна во Франции, но совершенно мы не готовы к ней в России, или в Германии, но мы не готовы к ней в России. И поэтому интеллигенция не выполняла свою роль – не помогала создавать самобытную российскую программу. Она слишком языков много знала, она слишком была увлечена воспроизведением западной жизни, которая у нас существовала, и которой мы кормились. А ведь вы посмотрите, какую Россия прожила

историю. То у нас гальский период, и тогда наши лучшие поэты пишут по-французски, говорят по-французски, и это настолько глубоко было введено, что академическое издание Пушкина, которое я купила, половину я там не понимаю, потому что все письма по-французски. И вот посмотрите, во что оборачивается. В этой организованной продвинутой комфортно-организованной части света, которую мы называем сегодня Европой, наверно, там не все одинаково, есть свои тупики и свои проблемы, и значит, Россия может дышать глубже и свободнее, чувствуя себя просто конкретно страной со своими недостатками, со своими пределами, со своими возможностями. Т.е. в этом случае я не радуюсь ни успехам или скажем омертвлению религиозности, веры, которые Татьяна Михайловна обнаружила на Западе. Но я могу дышать, потому что в этом случае Россия не оплевана, а Россия существует как одна из стран, у которой это не получается, а другое что-то получилось, или каким-то образом мы должны же это ценное тоже выбирать и противостоять этому. В университет приехали девочки, и в аспирантуре я читаю им лекции, они говорят: «мы приехали из Германии – высокомерно так, - прослушали курс такой-то курс такой-то». И я, нужно вам сказать, униженно и очень ревниво попросила у них конспекты, которые они привезли из Германии, очень уважительно, как материал, который они привезли, материал, имеющий очень большую ценность. Я вцепилась в эти конспекты и посмотрела их. Знаете, это какая-то очень хорошо организованная арифметика рассуждения о статистических всяких материалах, арифметика просто. Ну, вот скажем, все то, что дает нам возможность сохранить большой мир в своем уме при решении всех конкретных проблем, этого вообще нет. Т.е. там как-то странно, очень строго и очень по существу, к делу, к функции к тому, что они будут исполнять, и это составило ценнейший материал. Вы бы знали, как мне давали этот материал читать: «только вы, пожалуйста, не потеряйте, только, пожалуйста, сохраните», и так далее. И я это все смотрела и думала, что же это получается, и опять мы не имеем возможности как-то внутренне хотя бы строить альтернативы, или что-то такое говорить от себя. И поэтому посмотрите, что сейчас происходит. Я бы сказала так, громадное количество безобразий, которые мы сегодня обнаруживаем вокруг нас в нас в виртуальном мире, в увлечении компьютерами, телевизор, и так далее – это не что иное, как Европа по-русски. Это более развитые, более продвинутые цивилизационные формы, которые мы пробуем у себя сделать как следует. Теперь вопрос задаю, скажем, товарищ выступал до меня, и даже не подумала бы, что это священник, очень по-боевому – и как социолог, и как журналист говорит. А так в принципе, почему же у нас в России много воровства? Почему у нас такое безобразие? Откуда это? Ведь это требует нашего сердечного исследования большого. А вот я скажу вам. Мы всегда были в условиях, когда выполняли технологически завышенные программы при малом материальном обеспечении. Мы всегда практиковали неоплаченный труд или малооплаченный труд, и действовали по программам, которые были чужды и поэтому часто то, что мы называем российской некультурностью, есть не что иное, как реакция на чуждые программы, за которые к тому же еще и мало платят, чтоб мы это сделали. Поэтому я еще раз хочу сказать, что мне понравилось у Татьяны Михайловны. Когда мы говорим о России, мы ведь можем ее просто любить, наслаждаясь языком, возможностью общения, возможностью жестокого вхождения в тему, истовость российская или какая-то открытость вдруг ни с того ни с сего искренне перед людьми, которых ты видишь в первый раз. Это все есть, но можно и все безобразные стороны доводить до своих предельных оснований - откуда это заброшено в Россию? Откуда это пришло? Как это получилось? Как получилось, что до сих пор в наших великолепных книгах по философии мы занимаемся либо Шеллером, либо теперь вот Делезом, Бодрияром, Фуко? И ведь дорогие книжки, а хватают их нарасхват. Я позавидовала Татьяне Михайловне, думаю, все-таки мы меряем свою жизнь годами, да ведь дело разве в этом. Есть ведь какая-то особая напряженная емкость проживаемого, которая делает мою жизнь большой или очень маленькой, скукоженной до личного успеха, которого ты добиваешься любыми усилиями, и на самом деле из этого

маленького мирка ты так и не вышел. Или большая жизнь? Когда есть духовное напряжение, когда эта жизнь оказывается в силу этого такой большой. Вот я по этому поводу и хочу поблагодарить Татьяну Михайловну за эту книжку, за возможность еще разочек поволноваться на эту тему.

А.А. Ермичев: Спасибо. Прошу вас!

Г.П. Медведев: Спасибо, Татьяна Михайловна я не читал эту книжку, но я очень рад услышать, что по моим наблюдениям люди, которые носят в себе любовь к России и прожили определенный период своей жизни на Западе, они оказываются, мягко говоря, не во всем этот Запад признают и принимают, и это очень симптоматично. Вот недавно у нас на филфаке была встреча с Никитой Алексеевичем Струве. Он произнес такую простую фразу, что «кажется, очевидной должна быть для нас простая мысль, что Россия и Западная Европа живут в разном историческом времени». Далеко не всем, увы, это очевидно, и, мне кажется, наша интеллигенция болеет болезнью непонимания очевидных вещей, что ОНИ живут в одном историческом времени, а МЫ живем в существенно другом времени, и поэтому именно, нам нельзя проводить такие прямые аналогии с их жизнью. И еще, из разного прошлого (а у нас с Западом прошлое разное - это уж понятно и ежу) никогда общего будущего произойти не может. Если кто-то эту мысль может оспорить, прошу. Опять же вещь вроде бы очевидная, но мы все время стремимся быть похожими на цивилизованный мир. Я работаю с иностранцами, у нас одно время было принято писать «как в цивилизованных странах», а они говорят «А что Россия не цивилизованная страна?» Понимаете, мы сами себя унижаем – у нас цивилизация, но она другая. Другая, не такая как у них, и это нам надо понять, осознать, и стоять твердо на этих позициях. Вот для меня, что немножко грустно, даже в выступлении Татьяны Михайловны есть всегда какое-то извинение, вот, извините, в культурном мире это принято немножко по-другому, у них… Понятно, после ста лет, когда мы сами себя уничтожали и продолжаем уничтожать, с таким же успехом преклоняясь перед новыми вызовами, якобы времени, виртуальными или там какими-то еще, рыночными, и при этом отметая нашу традиционную культуру и историю. Но мы тогда ни к чему не придем. Да, вот еще надо сказать, все эти прекраснодушные высказывания великолепного, впрочем, историка Петра Николаевича Милюкова, что «Россия - это есть Европа» - XX век воочию показал, что Россия это не Европа. Каждый внутри, наверное, понимает, что Россия это не Европа, это особое какое-то образование, не Западная Европа, во всяком случае. Я не хочу распространяться слишком долго. Еще одно: мечта, хорошее слово Мечта. В известном смысле для нас сейчас, как и для Западной Европы, Россия это мечта. Как в XVII веке у них в Испании писали о Великом Князе Московском – мечта, какая-то особенная жизнь. Также у нас писали наоборот: «Тихо над Альгамброй дремлет вся натура»… (то же самое, но уже в плане ироническом). В общем, ситуация остается прежней. То, что далеко, там мечта. И вот эту мечту и страну чудес находят в разных частях света, – в Японии, в Индии, или в США. Надо ведь сказать, что для них мы точно такая же страна чудес, и вот этого нам не надо забывать, что мы страна чудес, и это чудо, любовь, надо носить внутри своего сердца, в глубине своей души. Если критическая масса, это глупое немножко слово по отношению к любви, настанет в нашей стране, тогда, может быть, у нас начнется какое-то движение к равноправным отношениям с Европой, Западом, и так далее. Спасибо.

А.А. Ермичев: Спасибо! Игорь Иванович, прошу вас. Игорь Иванович Евлампиев.

И.И. Евлампиев: Я хочу сначала выразить личную симпатию в адрес Татьяны Михайловны, потому что я с огромным интересом и, я бы сказал, с интеллектуальной симпатией читал ее дневники. Действительно, здесь, прежде всего, подкупает

искренность, которая в такой форме редко встречается. Поэтому надо извинить некоторые крайности, это русский характер, это такая черта, тут ничего не поделаешь, человек доходит до крайности, а потом он из этой крайности - в противоположную. Я не сомневаюсь, что Татьяна Михайловна искренне говорит, и искренне верит, и искренне любит людей, это чувствуется в книге, она любит всех, о ком она говорит, даже тогда, когда говорит плохо. Если позволите, одно личное воспоминание. Три года тому назад я был приглашен выступить в Париже на вечере памяти Андрея Тарковского, так вот организаторы этого мероприятия меня поселили в квартиру Татьяны Михайловны с ее согласия, и я заочно испытал ее гостеприимство, хотя мы не были знакомы. Это характерная черта – способность по первой просьбе отдать квартиру человеку, которого, по сути, не знала. Еще раз публично хочу выразить Татьяне Михайловне благодарность за это. Возвращаясь к обсуждению дневников, скажу, что для меня нет сомнений в искренности автора, в желании найти истину и донести ее. Это как раз тот тон, который в России всегда очень важен, и без него ни одна книга не состоится по-настоящему; он есть здесь. Но поскольку тон выбран именно такой, где все-таки главное – истина, не просто путевые впечатления, как иногда бывает сейчас, там, на Западе особенно, то и я постараюсь отстраниться от всех личных симпатий и буду говорить, имея в виду истину. Повторю, здесь задана очень высокая планка, по сути, речь идет о пути цивилизации, о том, какой путь мы должны выбрать, что главное для нас здесь в России, чем мы отличаемся от Запада, и как правильно двигаться вперед. Прежде всего, я согласен со многими оценками, сделанными в рамках темы «Запад-Россия». У России – особая судьба, и мы, на мой взгляд, сохранили какие-то вещи, которые Запад, если не совсем потерял (сама Татьяна Михайловна так наверно не будет говорить), то почти потерял. Какая главная наша особенность? Глубокая религиозность, религиозность, которая пронизывает все общество, религиозность, которая, на мой взгляд, не осознается часто самими людьми. Вот потрясающая вещь: прожили 70 лет в абсолютно атеистическом государстве и, тем не менее (правильное наблюдение делает Татьяна Михайловна в книге) – даже в коммунистическом строе советский человек обладал внутренней глубокой религиозностью. Отсюда произрастала культура. Говорят: где она духовность, в чем критерий подлинной духовности? Вот это и есть критерий духовности – это культура; и мы знаем, что русская культура и в советскую эпоху, в 1930-50-е годы, была великой культурой. Т.е. духовность постоянно присутствовала. Именно в этом наверно наша перспектива, наш выход, что мы сохраняем это религиозное чувство. Татьяна Михайловна в это верит, и в этом я солидарен с ней. Но как она видит эту перспективу? Она видит ее в возрождении православной церкви. Вот здесь я с ней расхожусь, хотя до этого я с ней был полностью согласен. На мой взгляд, это ошибочный вывод.

Сравнивая католическую церковь и православную, она видит разницу в том, что католическая церковь стала трезвой земной организацией, она поняла, что ушло то время, когда церковь была основой культуры. Церковь на Западе заняла свое место и место достаточно благородное: помощь нуждающимся, униженным, оскорбленным, больным. Но все-таки это плохо, потому что здесь не хватает глубокой религиозности, горения о Боге. Татьяна Михайловна видит отличие нашей страны в том, что православие сохранило это. На мой взгляд, это ошибочный вывод. Особенность России, парадоксальная трагическая особенность, в том, что у нас эта религиозность, о которой я говорил и в которой, надеюсь, я пребываю вместе с Татьяной Михайловной, тем не менее, *не вмещается в православную церковь* – это мое глубокое убеждение. В этом причина трагедии церкви, трагедии русского народа, русской государственности. Чтобы не быть голословным, давайте, я обращусь к примеру. Наши семинары посвящены истории русской философии, хотя и не только, надеюсь, что не только. Так давайте посмотрим, чему может нас научить русская философия. Для меня главное в русской философии – и главная ее традиция, и главная ее трагедия – это как раз поиски вот этой глубочайшей религиозности, которую Запад, быть может, уже и утратил совсем, и понимание того, что

она не вмещается в православную церковь – отсюда внутренняя трагедия. Лучшие русские мыслители говорили именно об этом. Для меня самый наглядный пример – Соловьев. Вспомним его маленькую работу «Кризис средневекового миросозерцания», само название предельно выразительно. Как утверждает Соловьев, не вмещается современный человек, современная культура, современная религиозность в средневековое миросозерцание, т.е. в церковное сознание. Он, по сути, выступает против церковной формы религиозности. Религиозность должна быть шире, она должна пронизывать общество. А церковность уходит, она уже не может совпадать со всем обществом. Не может церковь охватить всех. В Средние века и эпоху Возрождения это было возможно, тогда вся религиозность оттуда произрастала, вся культура. Но это ушло, не вернуть, вот о чем пишет Соловьев. Дальше что произошло в нашей духовной истории? Религиозно-философские собрания, о которых мы часто вспоминаем, – ведь из них вся философская традиция XX века полностью произошла, это ярчайшее событие русской истории начала XX века, по-моему, еще недооцененное. Так в чем там была проблема? Ведь здесь глубочайшие русские мыслители констатируют, причем с болью констатируют, предлагая что-то сделать, чтобы изменить ситуацию: не вмещается культура в русскую православную церковь, не согласуется с ней. Другие факты можно привести, доказывающие то же, но как бы «от обратного». Я имею в виду известные суждения Ивана Ильина о культуре. Честно говоря, просто стыдно читать, – великий мыслитель, многие считают, что глубоко православный мыслитель, выразивший главные истины православия, – пишет про современную ему русскую культуру XX века. Он констатирует, что в советской России считаются кумирами Блок, Ахматова, Цветаева, Мандельштам Мейерхольд, и затем заявляет: «это страшно, это сатанизм». Т.е. вся современная ему культура, она вся прошла мимо него, то, чем мы гордимся, она вся оказалось вне его духовности. О чем это говорит? Понятно, это рассуждение одного мыслителя, но ведь это выражение тенденции, причем тенденции, которая, к сожалению, до сих пор в православной церкви, в православном мировоззрении существует. Я повторю: для кого-то православная церковь – это путь к духовности, но это не конечная точка пути к духовности, это открытые ворота, но подлинная русская духовность, на мой взгляд, шире и глубже. И еще одно суждение, для меня самое главное и важное, и надеюсь для Татьяны Михайловны тоже, – как я понял, ее кумиры совпадают с моими кумирами, это Достоевский и Ницше, она часто цитирует Ницше. Так вот величайшее произведение Достоевского, «Поэма о Великом Инквизиторе», о чем оно? О том же самом, о том, что не вмещается Евангелие в церковь. Постоянно приходится по этому поводу спорить, поэтому я для тех, кто сомневается, просто укажу точную ссылку. Посмотрите в книге «Достоевский в воспоминаниях современников» (Москва, 1990), второй том, воспоминания Дмитрия Любимова, сына Николая Любимова, ближайшего сотрудника Каткова, у которого в журнале «Русский Вестник» публиковался Достоевский. Он вспоминает спор, на котором Достоевский отстаивал свое видение этой поэмы еще до ее публикации, так вот Достоевский имел в виду всю христианскую церковь, все христианские конфессии. Только по настоянию Каткова он вставил фразы про католицизм, на этом по цензурным соображениям Катков настоял. Любимов тогда был пятнадцатилетним подростком, но ему запала в память пылкость, с которой Достоевский это доказывал. Что Евангелие переделано было в истории для простых людей, но оно не вмещается в эту форму, Евангелие шире. Эта традиция поисков подлинной, глубокой религиозности, утраченной в исторической церкви, главная в нашей духовной истории, особенно для нас, для тех, кто философией занимается. И вот сейчас мы это забыли и по-настоящему не читаем свою классику, мы много о ней говорим, но глубины этой не видим. А повторять ошибки, на мой взгляд, уже нельзя.

Вот как я вижу будущее наше страны и будущее нашей духовности. Православная церковь, конечно, это неотъемлемая от России часть, но это только часть, и она уже никогда не будет целым. Для кого-то это вход в духовность. Возможно, православная

церковь пойдет по тому пути, по которому пошла католическая церковь, в ней станет главным любовь к ближнему, забота о ближнем, об ущербном, о немощном. Но повторю, я надеюсь, что Россия покажет пример той религиозности, которая нужна нам и в XXI веке. На Западе эти слова, слова о религиозности и о ее новых формах, стали непопулярными они считаются немодными, они не соответствуют, как считают там, XX и XXI веку особенно, но они всегда соответствовали и соответствуют русской культуре – но именно в той широкой форме, в том глубоком содержании, о котором я говорил, независимо от того, какая была эпоха. При советской эпохе церковь была в загоне, сейчас она возрождается и претендует на все большую роль в обществе. Но это совсем не то, о чем я говорю, это вовсе не означает рождение новой религиозности и новой духовности, это разные и независимые процессы. Спасибо.

Вопрос: Можно маленький вопрос?

А.А. Ермичев: Только коротко.

Вопрос: Скажите, пожалуйста, можете привести хотя бы кратко примеры великих образцов культуры, которые бы были в основе своей не религиозны?

И.И. Евлампиев: Я и говорю, нет таких!

Вопрос: Нет, вы можете привести примеры великой русской культуры, какие-нибудь фамилии великих наших художников, которые бы не были в основе своей религиозными? В основе их творчества всегда лежит религиозность.

И.И. Евлампиев: Я согласен, я об этом и говорил. Религиозность в основе культуры всегда лежит, но не церковь, не церковное сознание. Об этом речь.

Т.М. Горичева: А церковь – и есть религиозность!

А.А. Ермичев: Интересно так много высказано сегодня, что я как организатор семинара просто не знаю, как быть в будущем, о чем и как продолжать наши занятия, потому что каждое из выступлений это, кстати, ваш успех Татьяна Михайловна, каждое из выступлений необыкновенно богато. Еще три человека хотят выступить. Пожалуйста, выступающие, говорите по возможности сжато, коротко. После этого мы дадим слово Татьяне Михайловне для завершения, мы поблагодарим Татьяну Михайловну за то, что она к нам пришла, потом желающие смогут попить чаю в 502 аудитории. А сейчас я предоставляю слово нашему итальянскому коллеге.

Стефано Капилупи: Меня зовут Стефано Капилупи, я писал работу «Проблема спасения в творчестве Достоевского», т.е. мне эта тематика очень близка. Я буду очень коротко, потому что мне на самом деле сложно все излагать, мыслей много, немножко неупорядочено. Много эмоций, много впечатлений ваша книга дала. Я сегодня ее читал на самом деле, может быть, надо было больше времени, чтоб как-то все поразмыслить. Что я хочу сказать.

Я помню, до того, как я приехал сюда, в Россию, я принимал участие в одной конференции в Италии. Там были представители русской православной церкви, это было шесть лет назад, они говорили, что «Советский Союз был для нас крест, мы платили за наши грехи, мы виноваты», это говорили представители русской православной церкви, не атеисты. Говорили «Мы виноваты, конечно, мы должны этот крест нести». Через несколько лет почти одни и те же люди говорят другие вещи, говорят: «Виноваты во всем вы, Запад, который создал марксизм, марксизм был занесен сюда, мы пострадали от

этого». Понимаете совсем другое отношение к одному и тому же вопросу. Поэтому когда ваш и мой любимый Достоевский говорит, что «каждый перед всеми за все виноват» я думаю, это именно то отношение, которое должен иметь каждый индивид, каждая персона, каждый народ. Было сказано о Соловьеве, а он говорил о том, что каждый народ внесет свой вклад в Страшный суд народов. Т.е. у каждого народа есть своя миссия, свое призвание – не то, что «Россия спасет мир», извините, это глупо, не только Россия спасет мир – Италия спасет мир, Франция спасет мир, все страны будут мир спасать! Потому что иначе не может быть! Не надо любить родину больше, чем Христа, надо любить, прежде всего, Христа. Извините, но из-за ваших слов… Я понимаю, что дневник, но этот дневник опубликован, значит, это уже публичное дело, это уже публичный момент. Значит, я вижу, вы очень искренни, я очень ценю именно, что вы выражаете те настроения, которые я вижу вокруг сейчас, потому что хотят во всем обвинить другого… Но то, что огорчает нас в Европе - в Италии во Франции, и русских в России - это общая беда, это общая проблема, это то, что возмущает нас самих. А получается, все что плохо – от Запада, что хорошо – от нас. А я извините, пять лет здесь и знаете, сколько вещей я бы мог рассказать итальянцам о русских…

Вы сказали, между прочим, я вам замечу, что итальянцы стоят в кафе не потому, что у нас была диктатура, вы сказали, что в Сицилии «кафе нет. В маленьких барах все стоят у стойки, сесть негде. Такое лет 15 тому назад я видела в Мадриде. Может быть, наследие тоталитаризма? Диктаторы (Франко в Мадриде, например) боялись собраний в кафе и пивных»[*]. Нет-нет! Мы все стоим в кафе, потому что другая культура – у нас люди в кафе пьют кофе стоя, капучино пьют стоя, а сидеть они будут в ресторанах, у нас другая культура. Это не значит, что мы плохие, потому что вы сидите в кафе. Извините, это кажется мелочью, но это не мелочь, потому что я мог бы рассказать подобные мелочи о русских, но я не буду, я не буду это делать. Подобное писать, потому что когда я говорю с итальянцами, я защищаю русских, когда я говорю с русскими, я защищаю итальянцев, французов и всех, потому что это, извините, не тот принцип мой, на котором можно как раз заниматься спасением себя и других. Все, спасибо!

Р.Н. Демин: Прежде всего, мне хотелось сказать спасибо Татьяне Михайловне за ее книгу и за все ее творчество, включая журнал «37».

Т.М. Горичева: Спасибо!

Р.Н. Демин: Признаюсь, что, читая эту книгу, я думал не столько о России, в которой есть весна, ни о Западе, ни о философских или каких-то богословских идеях, которые были затронуты в этой книге. Я думал, что, очевидно, что эта книга написана человека тонкой впечатлительной натуры. И это такой человек, который повышено чувствительный к фальши, ко лжи, к грубости, человек, способный к глубокому сопереживанию. Не случайно Татьяна Михайловна пишет, что по-прежнему, как и в детстве, она смотрит кино с полной отдачей. Мне особенно близки слова Татьяны Михайловны, которая написала на страницах своих дневников «мелочи подчас важны потому, что как раз через них говорит любовь». Я вижу, что Татьяной Михайловной, не смотря на ее некоторые замечания в адрес Сицилии, Палермо и корейцев, танцующих во время ее выступлений, все-таки говорит и движет любовь. И вот живо ощущая это, я бы хотел сказать следующее, это может прозвучать несколько неожиданно. Мне кажется, что Татьяна Михайловна с ее ярким прекрасным стилем, с ее проповеднической жилкой, с ее умением найти слова, отметить детали, могла бы писать книги не только для взрослых читателей, но и для детей, как мне кажется. А ведь это очень важно для того, чтобы в России была весна и мне кажется, что это возможно. Сейчас ведь есть издания, которые специализируются на

[*] Горичева Т.М. Только в России есть весна! О трагедии современного Запада. Дневники: 1980 – 2003. – с. 354.

детской православной литературе, а Татьяне Михайловне вопросы религиозной педагогики близки, по-моему, в этом вопросе, я не ошибаюсь. Представляется, что могли бы получится замечательные вещи. Еще раз спасибо за вашу книгу, за ваше творчество.

А.А. Ермичев: Татьяна Михайловна, пожалуйста, несколько слов в заключение нашего очень богатого содержанием вечера.

Т.М. Горичева: Друзья мои! Действительно я так счастлива, что я услышала. Я не заслуживаю, конечно, таких слов, что книжка искренняя, потому что так трудно быть искренним, такая большая заслуга. Ну, в общем, если она искренняя, удалась, значит действительно, одно это уже мне дорого. А то, что она написана с любовью, кто-то сказал здесь, так это вообще из меня слезу вышибает. Потому что так трудно любить, так мало во мне любви, и так редко я люблю. Но вместе с тем это точно, тоже, действительно, с любовью, потому что если ты выходишь к людям, какая бы дурацкая аудитория садисткая, так сказать ненормальная, шизофреническая не была, но если ты не любишь, то не выходи. Но, в общем-то, я всегда вставала на горло собственной песне и говорила: «Господь, давай, бросай меня. Пускай я умру, но я выдам последнюю каплю любви, которую ты мне дашь, пускай здесь скончаюсь». Так примерно, и это самое главное. А то, что Стефано сказал, может быть, Стефано меня не совсем понял, Стефано прости, но в Сицилии я была в ужасном состоянии, потом я там даже не выступала…

Стефано Капилупи: Но вы этого не сказали.

Т.М. Горичева: Вообще я описываю те страны, где я выступала, кроме Индии, Непала и Сицилии. Я в Сицилию просто поехала с ужасной депрессии и всегда думала там мафия, знаете, это глупо, это надо вычеркнуть просто все, вырвать эти страницы, вот. Вообще, Италия была первая страна, которая меня приняла. Как только меня изгнали, мне сделали фальшивые документы, я поехала сразу в Италию выступать. Рокко Батильоне - мой друг до сих пор и Коминьоне Либератьоне… Больше всего я там, между прочим, выступала и меньше всего написала, потому что мне некогда было и писать. Ну, из песни слова не выкинешь, поэтому нельзя оставлять только то что… Эта книжка не проповедническая, не катехизис, как говорится, не реклама для себя самой. А может быть, вы правы, что правильно указали, что во мне и злобы много и критики и раздражения всякого все-таки, вы сами знаете, как в России. Я здесь раздражаюсь на каждом шагу. Я здесь рядом живу. Даже пока шла… Правильно отец Вениамин говорит: выйдешь на улицу, Господи, помилуй. Но если я об этом буду писать каждый день в дневнике, какой мат я слышала и какую страшную порнографию я видела. Я это перестала… Но в какой-то вдруг момент прорвется все равно. Мне очень трудно в России жить, тем не менее, мне трудно и в Париже жить, по-разному трудно.

Эта книжка, это не проповедь, я не святая, я не священник, эта книжка рассчитана на понимание таких же людей как я которые … Вот что скрывать а что не скрывать? Когда у нас есть любовь, то можно и сказать и искренне. Я ведь на Западе говорю более жесткие вещи, чем я написала в книге, людям прямо говорю. Когда прямо – они видят и любят меня, и знают, что я говорю без злобы, а потому что переживаю. У меня уже и здоровье нет никакого, я в обморок падала много раз, отвозили в реанимацию и в Германии, и в Италии, и везде. Ну что же, только любовь может двигать. Поэтому остановимся все-таки на этом слове «любовь».

А вот мне не понравилось тут против православия, против церкви, не понравилось – все-таки церковь – не узкое какое-то пространство, а церковь больше чем мир, эта даже не

макрокосм, а мегалокосм, слова Максима Исповедника. Поэтому церковь в тысячу раз больше, чем любая культура, и больше чем любая цивилизация, и больше чем все остальное, правда, Стефано?

Стефано Капилупи: Да, и больше, чем любая конфессия.

Т.М. Горичева: И больше, чем любая конфессия. Так что, мне кажется, может быть разные просто концепции церкви, потому что и разные представления о церкви. Есть у протестантов церковь видимая и невидимая, но я так не разделяю, мы сейчас не будем богословские какие-то тонкости с вами разбирать, но, в общем, это церковь для православного мне кажется – православная традиция больше чем весь мир, весь космос, больше чем все. В «Послании к колосянам» апостол Павел говорит, что Христос больше космоса, тело Христово есть церковь. Этим могу защитить мою церковь, и церковь католическую, и церковь протестантскую даже. Спасибо, простите меня!

(*аплодисменты*)